

НА ФОНЕ ЭПОХИ

Время и люди
в новой книге Руслана Хальфина

В Екатеринбурге, в помещении Дома актера на площади имени 1905 года, прошла презентация книги Руслана Хальфина «42 года в отрасли. Записки замминистра здравоохранения». Автор пригласил на встречу многих героев книги – людей, с которыми он осваивал медицинские специальности, с кем трудился в системе здравоохранения Среднего Урала.

Руслан Хальфин родился 28 августа 1947 года в Свердловске. В 1972 году окончил Свердловский медицинский институт по специальности «Педиатрия».

До 1976 года работал педиатром участковой больницы поселка Полуночное Ивдельского района, заведующим детским объединением, райпедиатром Ивдельской ЦРБ. Затем в течение 16 лет трудился в психиатрии и наркологии. В 1985 году создал и возглавил Свердловскую областную наркологическую больницу, а в 1990-м — областное объединение «Психиатрия» из трех больниц на 1600 коек.

С 1992 года — на государственной службе — первый заместитель начальника Главного управления здравоохранения Свердловской области, начальник Главного управления, директор департамента здравоохранения области. С 1994 по 1998 год был членом правительства Свердловской области. В 1999—2000 годах работал в администрации Екатеринбурга, руководил управлением здравоохранения города. В 1995 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1998-м — докторскую. В течение пяти лет заведовал кафедрой «Общественное здоровье и здравоохранение» Уральской государственной медицинской академии. С 2000 по 2004 год занимал руководящие должности в Министерстве здравоохранения РФ, был заместителем министра. В 2004—2005 годах — директор Департамента развития медицинской помощи и курортного дела Минздравсоцразвития РФ. С декабря 2005-го по сентябрь 2008 года — заместитель министра здравоохранения и социального развития РФ.

С 2003 года по настоящее время Р. Хальфин заведует кафедрой организации здравоохранения, медицинской статистики и информатики Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова, профессор. Под непосредственным руководством Руслана Альбертовича выполнены и защищены семь докторских и девять кандидатских диссертаций.

С октября 2008 года Хальфин — президент медицинской страховой компании «МАКС-М» (Москва).

Имеет пять государственных наград, в том числе орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени, 20 ведомственных и общественных наград, в том числе три ордена. Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники. Заслуженный врач Российской Федерации. Действительный государственный советник II класса.

Автор книги Руслан Альбертович Хальфин — известный врач и организатор здравоохранения. Автор более 200 научных работ впервые представил читателю публикацию в до этого несвойственной ему форме — воспоминаний. И книга удалась. На ее страницах — яркие штрихи биографии незаурядного человека, отображенные на фоне эпохи, точные и корректные характеристики людей, с которыми автору приходилось встречаться и работать.

Книга адресована широкому кругу читателей, так или иначе связанному с системой здравоохранения в России.

Главы-воспоминания из этой книги Р. Хальфина о студенческих и послевузовских годах, проведенных на севере Свердловской области, были опубликованы в журнале «Выпускник УГМА» № 2 за 2010 год (номер вышел к 80-летию академии). Теперь вниманию читателя предлагаются фрагменты книги, в которых автор вспоминает время после возвращения в уральскую столицу, людей, сыгравших немалую роль в его судьбе.

Участники презентации. На переднем плане слева направо Ю.Ф. КУЗЬМИН, вдова Н.С. Бабича И.Л. КОМПАНИЕЦ, М.Н. ГОЛОВАНОВА, Р.А. ХАЛЬФИН

ИЗ КНИГИ Р. ХАЛЬФИНА **«42 ГОДА В ОТРАСЛИ.** **ЗАПИСКИ ЗАММИНИСТРА** **ЗДРАВООХРАНЕНИЯ»**

В середине 70-х годов прошлого века передо мной встал дилемма: остаться в педиатрии или, пока я работаю в районе, получить узкую специализацию.

Я выбрал, как мне тогда казалось, нечто среднее — пройти специализацию по детской психоневрологии, но, когда приехал на курсы для обучения на кафедру психиатрии, расположенную на базе Свердловской областной психиатрической больницы № 1, во-первых, выяснил, что отдельной специализации по детской психоневрологии не существует, учиться предстоит по общей психиатрии, а во-вторых, я тогда и не подозревал, что в стенах этой больницы я проработаю следующие свои 16 лет.

На курсах нам читали лекции и приглядывались к нам заместитель главного врача по внебольничной помощи ОПБ № 1, очень интересная личность Иван Федорович Бурый. Он говорил со мной какими-то намеками, выяснял, умею ли я писать справки, могу ли ездить по области, но, когда после окончания курсов и получения «корочек» по психиатрии я вернулся в Ивдельский район, он появился там и предложил мне перейти на работу в Областную психиатрическую больницу на должность заведующего областным наркологическим оргметодкабинетом.

Я впал в раздумья. Еще не так давно я не собирался уходить из педиатрии, работать в психиатрии, а уж тем более в какой-то наркологии. Но, не буду кривить душой, за четыре года, по сути, круглосуточных дежурств, слез и смертей я просто устал, я не видел никаких перспектив, а надо было возвращаться в Свердловск, идти куда-то работать, а тут ангел-искуситель очень вовремя рассказывал про надбавку к зарплате в 25%, отпуск в 36 рабочих дней (до этого Иван Федорович напирает на постановление ЦК КПСС от 1972 года и решение о создании наркологической службы), и я сдался, дал согласие, хотя Бурый и не скрывал, что кабинета еще нет, его надо создавать, а до этого «выбить штаты»...

Участники презентации — в разные годы главные врачи Свердловской областной клинической психиатрической больницы И.Л. ЛЕОНТЬЕВ, О.В. СЕРДЮК, Р.А. ХАЛЬФИН, И.Н. КАНАРСКИЙ. В центре — бессменная главная медицинская сестра больницы А.Д. ШУМКОВА

Таким образом, в сентябре 1976 года я прибыл в Свердловск по адресу: Сибирский тракт, 8-й километр, где была расположена психиатрическая больница.

И.Ф. Бурый уехал в отпуск, а главный врач больницы А.С. Коковихин был не очень в курсе планов Бурого о расширении наркологической службы и, узнав, что я педиатр, предложил мне пойти на работу в детское психиатрическое отделение. Я практически уже согласился, так как деваться было некуда, но тут появился Иван Федорович, и все встало на свои места. Наркологическую службу решили продолжать расширять, и он отвел меня к заведующему наркологическим отделением № 15 Георгию Васильевичу Курзеву, который был одновременно внештатным главным специалистом области.

Так я одновременно познакомился с двумя незаурядными людьми, которые сыграли значительную роль не только в моем становлении как руководителя, но и в дальнейшем формировании моего морально-этического статуса, поэтому я хочу прежде всего рассказать о них, об их непростых судьбах, память о них этого заслуживает — и Иван Федорович, и Георгий Васильевич, да и многие сотни тысяч других людей совершили настоящий жизненный подвиг, не сломались в тяжелые годы и стали глубокоуважаемыми личностями.

Начну, конечно, с И.Ф. Бурого. Из того, что мне известно по его рассказам, он, по настоячивости, с которой пробивался к своей цели, напоминает мне моего отца, да они и были ровесники, правда, судьбы разные.

Иван Федорович родился в Белоруссии и в 14 лет во время войны попал в своем селе в так называемый «отряд самообороны», который не пускал в деревню партизан, охранял село и от немцев, и от диверсантов.

После освобождения Белоруссии 16-летним осужденным на срок в десять лет приехал он по этапу в Нижний Тагил. Я не знаю, сколько он отсидел, и даже не хочу обсуждать этот факт, хотя сам Иван Федорович мне рассказывал, что они были мобилизованы и просто стояли и охраняли село. Да и такой авторитетный человек, фронтовик, не понаслышке знавший те места, заведующий Свердловским облздравотделом Николай Стефанович Бабич, который сыграл большую роль в судьбе И.Ф. Бурого, как-то мне сказал: «Да что взять с папана, взрослые-то не знали, что делать», я просто представляю — мальчишка из

глухой белорусской деревни попадает в лагерь на десять лет!.. Заметив, что люди с артистическими способностями живут в лагере легче, он начал учиться бить чечетку и часами бил ее между нарами, пока не научился. Потом он взялся за баян, и тут я вспомнил, что в СТЭМе рассказывали, что раньше в художественной самодеятельности института был один парень, исполнявший на баяне номер, который объявляли так: «Монти, «Чардаш», без одной части». Я спросил у Ивана Федоровича, и он это подтвердил. На мой вопрос: «Почему без одной части?» с улыбкой пояснил: «Не успел разучить. Срок закончился».

В лагере он занимался самообразованием, затем пошел в школу, потом попал в помощники к фельдшеру медпункта и прикипел навсегда к медицине. Это уникальный случай, будучи еще заключенным, он добился того, чтобы попасть в медицинское училище, и вот тут его «крестным отцом», поддержав активного парня, первый раз стал Н.С. Бабич, который тогда заведовал Нижнетагильским горздравотделом. Я уж не знаю, как он сдавал экзамены, проходил практику, но в итоге в конце срока он работал в медпункте и лечил больных.

После окончания своих мытарств Бурый напрямую направился поступать в медицинский институт, и, если бы опять не мудрый Н.С. Бабич, который в то время уже был заведующим Свердловским облздравотделом, его, конечно, не приняли бы. А так он поступил, закончил и теперь работал на должности заместителя главного врача областной больницы, развивал внебольничную помощь, то есть сеть амбулаторных кабинетов, диспансеров, отделений и больниц. Он учил меня слушать, быть гибче, не обращать внимания на человеческие слабости, учил анализировать, писать справки и обзоры, а также доклады и пространственные ответы на письма граждан. Все мои публичные выступления он просматривал до того, а после критически разбирал, причем очень жестко.

Благодаря ему я с тех пор все пишу сам, меня никогда не пугали деловые бумаги, потому что я много лет проработал в оргметодотделе под руководством И.Ф. Бурого.

У него были молодая красивая жена Галина Петровна, работавшая в нашей же больнице медсестрой электроэнцефалографического кабинета, и дочь-школьница Света, ставшая в дальнейшем врачом-психиатром. А когда мы с ним выпивали, он открывал свой громадный сейф, и я мог увидеть там запасы консервированной еды, алкоголя и даже одежду. «На всякий случай», — тихо говорил он и закрывал дверцу.

Как-то у нас в гостях был один крупный региональный организатор здравоохранения, и он поразил меня своим, мягко сказать, нетактичным поведением. Поймав мой взгляд, Иван Федорович тихо сказал: «Это уровень, Руслан Альбертович, уровень, — а затем пояснил: — У каждого человека есть свой уровень, выше которого он не поднимется, как бы ни старался. Я в лагерях видел академиков и генералов, которые лизали миски, а видел и уважаемых людей, подчеркивая, не «авторитетов», а людей вообще без образования, к которым за советом шли как зеки, так и охрана. Ничего не поделаешь — уровень!»

Бурый был уникальным человеком, умнейшей личностью, и мне повезло, что судьба меня свела с таким Учителем с большой буквы.

Мне нравилась работа в оргметодотделе, я носился по области, мы открывали наркологические кабинеты и отделения, писали справки, выступали на конференциях и совещаниях, был разгар развития промышленной наркологии. Иван Федорович расширил внебольничную службу, появился отдельный оргметодотдел по психиатрии, куда он очень удачно пригласил приятную даму и отличного специалиста — Ангелину Петровну Поташеву, мою коллегу и доброго друга на долгие годы.

...Шел 1979 год, в больнице назревала смена руководства, и И.Ф. Бурого, который был не так прост, как некоторые его

представляли, конечно, волновало, кто будет руководить больницей и будет ли этот кто-то понимать необходимость развития, кроме стационара, всего остального многообразия психиатрической помощи. И «дядя Ваня», как многие его называли за глаза, начал действовать. У него самого шансов не было, он это понимал и поэтому начал поиск претендентов, обсуждая эту тему в том числе и со мной. И вот, аналитически отклонив очередную кандидатуру, он вдруг спросил: «А ты сам не хочешь попробовать?»

Это было неожиданно, я проработал тогда в больнице всего три года, психиатрию знал недостаточно, руководить такими «зубрами» было не так просто, но на все мои сомнения Бурый реагировал твердо: «У тебя один недостаток — ты не член партии». «Вы тоже», — ответил я. — «У меня есть причины». — «А у меня нет желания»...

Иван Федорович переговорил со своим «крестным отцом» Н.С. Бабичем и повел меня к нему на смотрины, где я впервые увидел эти пронизательные глаза мудрого удава, который курил одну за другой сигареты «БТ» и просто смотрел на меня. «Зачем тебе это надо?» — вдруг спросил он, и я машинально ответил: «А мне и не надо!» Бабич засмеялся, обнажив прокуренные зубы: «Я знаю, это Ване надо!» Все вежливо посмеялись. «Значит, говоришь, работает хорошо?» — спросил он. «Да, даже останавливать надо», — ответил И.Ф. Бурый. Бабич обратился ко мне: «Я звонил в Ивдель, Фризоргер тебя охарактеризовал хорошо, правда, сказал, что ты невыдержанный». Я догадался промолчать. «Обком не утвердит. Больница областная, номенклатура обкома, а он беспартийный». Бабич помолчал. «Ну да ладно, назначим исполняющим обязанности главного врача, а там поглядим, но ты, Иван Федорович, должен ему во всем помогать, а ты, — он обратился ко мне, — слушать его советы». Мы заботились...

Второй мой наставник, Георгий Васильевич Курзев, был внешне недоступен и малоразговорчив. Его подтянутая внешность, прямая спина и строгое породистое лицо в глубоких морщинах выдавали в нем много пережившего военного, что было недалеко от истины. Как я понял, он учился в Свердловском медицинском институте, это был выпуск 1941 года, и о судьбе его выпускников нам как-то на занятиях рассказывала профессор Л.А. Серова, но Курзев был за какое-то время до этого переведен в Ленинградскую военно-медицинскую академию и войну встретил военным врачом. Он воевал с первых дней, говорили, что в Ленинграде у него осталась семья, погибшая в блокаду, а сам он вместе с ранеными и всем персоналом медсанбата был взят немцами в плен, по-моему в конце 1941 года. Георгия Васильевича было трудно разговаривать, и я знаю только, что он прошел не один концентрационный лагерь за эти годы. На мой вопрос о том, как ему удалось уцелеть, он ответил коротко: «Был нужен как военный врач», а первый его трудовой документ после войны, потертую справку, я видел сам в его личном деле. Там было написано: «Привлечен к работе врачом спецэшелона по маршруту...», дальше какой-то немецкий город и — Воркута. Там он и провел свои следующие десять лет жизни после четырех лет фашистского плена.

Вернувшись и, скорее всего, будучи «поражен в правах», он не мог поселиться в городе и через какое-то время появился в Сысертской загородной психиатрической больнице, где был принят на работу врачом, затем женился на молодой докторице, приехавшей в больницу по распределению, — Зое Васильевне, и теперь они оба работали в Свердловской областной больнице, и у них было два сына.

Меня все время задевало, что вот рядом со мной сидит много переживший, воевавший человек, а его нет ни в списках ветеранов Великой Отечественной войны, ни среди каких-то льготников, ни в президиумах, и, когда я в 1979 году в первый

Администрация Свердловской областной психиатрической больницы 1979—1980 годов. Крайний справа — И.Ф. БУРЫЙ. В центре Р.А. ХАЛЬФИН между главным бухгалтером Г.А. ПШЕНИЦЫНОЙ и секретарем больницы В.И. СОКОЛОВСКОЙ. Крайний слева — Ю.В. ВОРОБЬЕВ

раз стал главным врачом Областной психиатрической больницы, я попробовал восстановить справедливость, но напоролся на гневную отповедь других ветеранов и резкое осуждение партбюро больницы. Я был поражен, прошло уже почти 35 лет после окончания войны, а эти старые и больные люди все еще делают друг друга на героях и изменников Родины. Видимо, когда немцы окружили медсанбат, медперсонал должен был застрелить раненых, а затем застрелиться сам, и тогда бы об этих людях никто и не вспомнил.

Интересно, что, когда я пытался «реабилитировать» Георгия Васильевича, он сам к этому относился скептически: «Не бейтесь, себе навредите. Не время». «А когда будет время?» — кипятился я. «Наверное, когда мы умрем», — философски ответил этот вечный лекарь, и как я был рад, что он застал все-таки новое время, его стали усаживать в президиумы, где он отличался от окружающих тем, что его пиджак был стерильно чист и лишен любых наград, а уж когда на нем стали появляться знаки отличия ветерана Великой Отечественной войны, это было нечто!

Конечно, он хотел признания, как и другие пострадавшие, как и И.Ф. Бурый, которого обходили при награждениях, хотя за развитие психиатрической и наркологической помощи населению области его можно было награждать смело и не раз. «Мне бы орден», — обмолвился Иван Федорович однажды, четко, как всегда, понимая, что это было бы венцом его реабилитации, и я был с ним абсолютно согласен, но мощь как советского государства, так и советского общества оставалась карающей и продолжала давить на всех — виновных, виновных поневоле, да и невиновных, без особого разбора. Меня всегда это поражало — страна не развивалась, по сути загнивала, что и проявилось через некоторое время, а давить продолжала постоянно!

Георгий Васильевич Курзнев остался не только в моей зрительной памяти, но и в своих суждениях и наблюдениях, он учил нас жизни, вернее пониманию ее многообразия. Помню несколько эпизодов. Как-то я ему стал жаловаться на одного начальника: «В обздраве одобрили наши предложения, поручили курацию этого вопроса одному из руководителей, а тот, вроде бы искренне помогая, так все вывернул, что сейчас никто не знает, как из этой ситуации выйти!»

Курзнев засмеялся: «Так и должно было быть — он же умник!» Я не понял: «Что значит — умник?» И тогда он рассказал мне свою оригинальную градацию интеллектуального деления людей, которую я часто вспоминаю до сих пор. «На одном краю, — говорил он, — слабоумные или умалишенные, как угодно, короче, наши больные. Это патология, но, к сча-

стью, в популяции процент этих людей достаточно постоянен. На противоположной стороне — гении! Это тоже отчасти патология, и их количество, к сожалению, также не растет. А все остальные люди делятся на глупых и умных. Тех и других достаточно много. Ну, про умных что говорить, умного человека и так видно! Глупые люди бывают достаточно приличными, добрыми и делают, кроме плохого, много и хорошего. Казалось бы, вот и все категории. Ан нет! Между глупыми и умными есть очень большая прослойка умников. Кто это такие? А это, как правило, люди глупые, но они себя таковыми не считают, а считают себя умными, поэтому они стараются это доказать — умничают, что-то пустое выдумывают, предлагают бредовые идеи, пробивают и даже реализуют их, выворачивают и хоронят хорошие проекты, и все с усердием, многозначительностью и убеждением. Это они поворачивают реки вспять, делают революции и перевороты, строят города без очистных сооружений и т.д. Видели, наверное, на любой дороге, едешь, и вдруг в пустынном месте здание без окон и дверей или пешеходный мост в лесу наполовину над дорогой висит — это тоже они, умники. Им надо поумничать, они очень активны, поэтому пробиваются наверх, как твой герой! Весь вред в основном от них!»

И, помолчав, он хитро спросил: «А знаете, Руслан Альбертович, что самое сложное в этом делении? Куда самого себя отнести!»

...Я с удовольствием занимался лечением больных алкоголизмом и наркоманиями, осваивал и старые и новые методики, у меня неплохо шел гипноз, меня стали ставить на дежурство по больнице в паре с кем-то из опытных психиатров.

Работа в психиатрической больнице отличалась от работы в участковой или центральной районной больнице, и не только составом больных, но прежде всего ритмом. Практически не было скоропомощной патологии, хотя в приемное отделение поступали и агрессивные больные. Можно было никуда не бежать, было время обдумать назначения и оформить историю болезни. Мне это было, после четырех лет работы «на передовой», непривычно...

Попали к нам разные люди и по разным причинам. Как-то еще в мое первое «главенство» звонит Николай Стефанович Бабич в воскресенье и говорит: «Мне сейчас был звонок из обкома, у нас в городе какая-то киногруппа из Москвы, и у них проблемы по твоей части. Сейчас тебе позвонит директор картины, сделай все, что надо». Я «под козырек». Звонок: «Я — директор картины с условным названием «Танк», про конструктора Т-34 Кошкина. Мы приехали к вам на съемки, но уже две недели сидим в гостинице «Большой Урал», так как — неудобно говорить, но сейчас уже поздно — у нас зашла заслуженная артистка, актриса, претендующая на главную женскую роль. Все сорвалось, главреж уже вызвал новую актрису, а Вы не могли бы забрать к себе «старую»?». «А кто это такая?» — спросил я. — «Вы Катюшу Маслову помните?» Я не помнил. — «Ну, хорошо, «Тени исчезают в полдень» видели?» Я не видел, но это не имело значения.

Я договорился со «старой помощью», утряс вопрос с отделом культуры облисполкома, вызвал себе машину и позвонил в приемное отделение психиатрической больницы предупредить.

В приемнике хронически дежурила «баба Миля», к сожалению, забыл, как ее звали по паспорту, и вот она-то помнила и Катюшу Маслову, и какую-то Глафиру или Анисью из «Тени исчезают в полдень», и была напалов сражена от радости, что к ней сейчас ту привезут. Я наказал, что, если актрису привезут раньше, чем я приеду, пусть Миля мне позвонит и расскажет, в каком виде заслуженная артистка. Я имел в виду, конечно, психо-наркологическое состояние. И вот Миля звонит и, захлебываясь от восторга, что увидела своего кумира, кричит

в трубку: «Руслан Альбертович, Вы просили сказать, в каком она виде, так вот, она в норковой шубе и в трусиках, а больше ничего... нет!»

Надо сказать, что актриса оказалась очень симпатичным человеком, серьезно лечилась, раздвигала автографы и с удовольствием сфотографировалась (чуть попозже) с поклонниками, и прежде всего с «бабей Милей»!

Как-то во время одного из дежурств умер старый хроник, и, когда я пытался его реанимировать, меня не поняли, отношение к смерти хронических больных было спокойным, что, может быть, и правильно, но именно тогда я задал утром на линейке вопрос о том, почему в больнице нет реанимации, а в дальнейшем сделал все, чтобы ее создать.

Много времени отнимали командировки, трудно вспомнить какой-нибудь район в области, где бы я не был по вопросу создания наркологической службы, а когда в 1979 году меня назначили еще и и. о. главного врача больницы, про лечебную работу можно было вообще забыть.

Не могу сказать, что основная масса членов коллектива не понимала необходимости изменений в этой достаточно старой больнице, но я слишком резко начал, да вдобавок еще законфликтывал с партийным бюро. Кадровые советы, хозяйственные рекомендации, совещания «по подготовке к зиме» — целое партбюро было посвящено этому вопросу с моим отчетом, я еще терпел, но, когда на пищеблоке по моей инициативе ОБХСС отловил целую «организованную преступную группировку», короче, тащили все, в том числе там же попала и одна член этого партбюро, наши пути с руководящей и направляющей партии окончательно разошлись.

Проработал я исполняющим обязанности ровно год, и, как Н.С. Бабич ни старался (а он мои действия одобрял), обком меня в должности не утвердил, мало того, мне показали формулировку этого решения, чем я до сих пор горжусь: «За непонимание роли партии в деле управления здравоохранением!»

Когда начался процесс демократизации, мои друзья шутили предлагали мне взять эту бумагу как мандат пострадавшего от репрессий КПСС и двигать в депутаты.

Я же действительно ни тогда, ни сейчас не понимал и не понимаю роль каких-то ни было партий, когда непрофессионалы пытаются руководить профессионалами, при том, надо сказать, что КПСС в целом-то вела грамотную кадровую политику, а кто сейчас попадает в так называемый кадровый резерв?..

Самое смешное, что ровно через десять лет, в 1989 году, когда все рухнуло, когда ситуация в Областной клинической психиатрической больнице в очередной раз стала аховой (экономика на нуле, не было зарплаты, хозяйство было разваленным, автобус за сотрудниками опять не ходил), руководство облздрави вновь предложило мне заняться героической работой в ней, и тогда я, заявив, что за эти годы «лучше не стал, буду снова заставлять работать с утра до ночи», предложил обсудить в коллективе мой приход. Это были, конечно, не выборы, что практиковалось тогда, но осознанное решение, по крайней мере активной части коллектива, и, пока я не услышал от его представителей, что «готовы на все, лишь бы выгнать больницу», я согласия на свой второй приход в эту больницу не давал.

Но это было через долгих десять лет, а тогда был 1980 год, мне было как раз 33 года, и как-то, часов в девять вечера, за мной в больницу приехал водитель Н.С. Бабича. У него в приемной я увидел Г.И. Хорькова, заведующего нейрохирургическим корпусом больницы № 40, и я понял, что обком... ну и т. д.

Бабич, как всегда, курил, был мрачен, похвалил меня за работу и спросил, чего бы я хотел за свой труд. У меня было две просьбы, вернее одно пожелание, остаться работать в этой же больнице в орготделе, как и раньше, он кивнул, а вторая —

На первомайской демонстрации. Р.А. ХАЛЬФИН (в центре), по левую руку от него Г.В. КУРЗЕНЕВ

покруче, я уже тогда был заядлым автолюбителем и попросил новую машину — с этим в те времена был дефицит. Бабич снова кивнул.

В те времена не было Интернета, сотовых телефонов, но информация распространялась так же быстро. Я вышел из облздрави в 11-м часу, поехал домой и лег спать, но, когда я наутро, в семь часов, как обычно, заехав за ворота больницы, вышел из машины и пошел с обходом по территории, вдруг заметил, что ночная уходящая смена ведет себя как-то странно — кто-то подходит и здоровается за руку, кто-то отворачивается, а некоторые, завидев издали, меняют маршрут. Оказывается, уже все все знали, и это правило всегда срабатывало — люди знают о тебе то, чего ты еще не знаешь.

Надо сказать, тот год мне на многое открыл глаза. Я неожиданно выяснил, что люди, на которых я пытался опереться, вовсе этого не хотели, и наоборот, те, кого я отталкивал, стали мне помогать. Я понял на всю жизнь, что ты можешь быть своим в доску парнем, будучи просто врачом, но, став начальником, даже не пытайся претендовать на любовь окружающих.

А пока я вернулся к оргметодработе, к развитию наркологии и к лечению больных в 15-м отделении. Я не влезал в работу нового главного врача и старался вести себя ровно. С Иваном Федоровичем Бурым, который, конечно, на меня злился за то, что я не смог выполнить его заветы, у меня были прежние дружеские отношения, он, как и я, понимал, что всему свое время, хотя и переживал.

Что касается моих переживаний, то меня в первый, но, к сожалению, как в дальнейшем выяснилось, не в последний раз снимали с работы («не утвердить» — эта формулировка помягче, но сути не меняет), и я, конечно, это переживал, и переживал тяжело. Зато подтвердилась пословица: «За одного битого двух небитых дают» — мне в дальнейшем было легче и уверенней работать, я знал, чем все заканчивается.

И еще я сделал одно важное для себя наблюдение. Оживление и интерес коллектива к снятию главного врача и назначению другого постепенно угасли, новому руководителю начали ставить те же «неудобные» вопросы, появились недовольные, начали сравнивать, и я был удивлен, когда через какой-то период услышал в свой адрес от тех же людей, которые меня когда-то ругали, положительные оценки. Теперь они ругали нового главного врача. Позже я понял, что этот процесс философский и со мной никак не связан — новое руководство по определению в глазах окружающих в итоге всегда хуже старого.

...В тот период в стране разворачивалось движение за здоровый образ жизни, «ширилась и шаперила», как говорили в деревне, борьба с пьянством и алкоголизмом. И моя не обязывающая должность внештатного главного нарколога области вдруг стала достаточно опасной. Я представлял официально государственный орган власти, и меня направляли на митинги и встречи, на конференции и съезды, которые организовывали всяческие сообщества трезвенников, и просто в трудовые коллективы. Причем в тот момент еще не были созданы официальные общества трезвости и на государственном уровне, видимо, пока не могли определиться, чей это вопрос, поэтому по привычке отписывали все возрастающий вал публикаций и переписки в облздравотдел, и наркологам приходилось вставать под обстрел общественности и отвечать на любые вопросы, типа: «Почему ЦК КПСС спавивает граждан?», «Почему продают газированную воду и квас, где есть алкоголь?», «Когда, наконец, будет сухой закон?» и т. п. Было ужасно много истерии и перегибов, чего стоит, например, борьба с алкоголем в кефире, к трезвенническому движению присоединились неуравновешенные личности и просто психические больные. Писатели Белов, Конечский, академики Углов, Амосов громили официальное здравоохранение, наркологическую службу, а официальной позиции в государстве не было. Главный вопрос, который будоражил страну, — что будет введено — сухой закон или ограничения и «культурное винопитие», — как в дальнейшем выяснилось, жарко обсуждался и в Политбюро ЦК КПСС, где были и сторонники секретаря ЦК Е. К. Лигачева в его «борьбе», и противники.

И вот в этой обстановке мы отбивались от нападков, читали лекции, писали отчеты, справки, открывали наркологические отделения и кабинеты, принимали комиссии и проверки. В одном году, по-моему в 1984-м, было восемь проверок области по линии ЦК КПСС, Совмина, Минздрава СССР, Народного контроля и т. д.

Я помню, как меня подставили в Первоуральске. Там было достаточно агрессивное общество трезвенников, и один из его руководителей, майор из местного ГУВД, записал мое выступление на очередном их сборище на пленку. Непонятно, как он умудрился, вроде тогда и компактных диктофонов-то еще не было. Вопросы сыпались из зала провокационные, но я старался корректно и спокойно отвечать. Они поведергивали из контекста мои ответы, сострипали донос и отправили аж в ЦК КПСС. Я потом читал этот опус, чего там только не было: я против сухого закона, за то, чтобы спавивать народ, я против политики партии, я руковожу лечением больных психотропными препаратами и т. п.

И вот через какое-то время все тот же Н. С. Бабич вызвал меня к себе, увел в коридор и начал допрашивать о том, что я опять натворил, чего где не так сказал, был ли в Первоуральске и т. д. Поняв, в чем дело, я ему доложил все как есть, он позвонил заведующему отделом науки обкома, с которым был в хороших отношениях, и я пошел на встречу, как оказалось, с комиссией ЦК КПСС в составе из двух человек, которая приехала по этой кляузе по мою душу!

Я им рассказал все как было, тут и узнал, что меня записывали (этот факт был особенно отражен в письме). Люди из ЦК стали все проверять, поехали в Первоуральск, а меня попросили пока не уезжать никуда в командировку, в общем, очередная подписка о невыезде. Через неделю меня вызвали и неожиданно начали хвалить, говоря, что в этой ситуации и при таких вопросах я отвечал очень правильно и грамотно.

Оказалось, что меня спасло то, чем эти «трезвенники» хотели меня утопить, — пленка, они ее сохранили, и по ней-то проверяющие и составили свое мнение. Мало того, они мне объяснили, что это был, как бы сейчас сказали, «заказ» именно

на меня, так как мои выступления трезвенникам мешали (а я действительно говорил эмоционально, с примерами и достаточно убедительно).

Этот серьезный случай с участием ЦК КПСС помог мне еще раз выйти на разговор с Н. С. Бабичем о создании самостоятельной областной наркологической больницы. К тому времени почти во всех серьезных территориях больницы существовали (на эту тему были и приказы Минздрава РСФСР), но Бабич не хотел этого делать. Я не могу сказать, что он не понимал, что нас все равно заставят это сделать, так как кампания по борьбе с алкоголизмом только расширялась, но, очень умеренно употребляя алкоголь, он, как и многие серьезные личности, относился к противоалкогольной кампании, а отсюда и к наркологии, настороженно. Как только я заводил этот разговор, он начинал улыбаться сквозь табачный дым и говорил: «Да брось ты, Руслан, закончится скоро эта очередная болтовня, а мы тут больницу сделали, и куда ее потом девать?» Я пытался его напугать, что по планам Минздрава РСФСР нашу область скоро будут слушать в Москве, то есть слушать его, заведующего, и ему там здорово влетит, Николай Стефанович только улыбался и хитро говорил: «А я не поеду, пошло тебя, а с тобой-то что они сделают?»

Ну, короче, закончилось все так, как и предполагали. Где-то в 1985 году Свердловский облздравотдел поставили на заслушивание на коллегии Минздрава РСФСР по вопросу организации противоалкогольной работы. Бабич его друзья из Минздрава доложили, что министр настроен серьезно и главный вопрос — отсутствие в области наркологической больницы. Тогда мудрый Н. С. Бабич сделал, как и обещал, несколько оригинальных телодвижений. Во-первых, он подписал изготовленный мной чуть ли не год назад приказ о создании областной наркологической больницы, в котором назначил меня главным врачом, затем вместо себя командировал в Москву своего заместителя и меня. Все было бы ничего, но его заместитель Ю. К. Ретюнский, который курировал этот вопрос и был в курсе дел, сломал тут же руку, а я ехать один в Москву отказывался, да и статус коллегии требовал только заведующего или, в крайнем случае, его заместителя. Вот тут-то Николай Стефанович так решил кадровый вопрос, что без смеха мы потом вспоминать это не могли.

Он вызвал к себе начальника лечебного отдела, очень опытного Виктора Яковлевича Осинцева, и тихонько начал: «Витя, ты ведь давно хочешь быть моим заместителем?» Тот насторожился: «Ну как сказать...» — «Скажи честно. Хочешь?» — «Хочу», — выдохнул В. Я. Осинцев. «Ну и будь, — спокойно сказал шеф. — Назначу тебя замом... — помолчал, — на три дня! Поедешь на коллегию в Москву с Хальфиным». Осинцев был ошарашен, но Николая Стефановича все любили, и через какое-то время Витя вжился в эту роль, ходил по облздраву и спрашивал, кого надо уволить, пока он заместитель заведующего. Всю дорогу до Москвы и ночь перед коллегией я вталкивал в Виктора Яковлевича необходимую информацию, и наутро он был более-менее готов к встрече с министром, но, явившись «на Валковский переулок», мы поняли, что дело серьезней, чем мы думали. Только мы начали пить чай в отделе психоневрологической помощи у Л. А. Красавина, как ворвался заместитель начальника лечебного главка П. С. Кузнецов и начал орать: «Где эти мудаки?» «Если вы имеете в виду нас, то мы тут», — вежливо ответил Витя Осинцев. «Вас, вас! Вы что это за филькину грамоту привезли, больницу они третьего дня создали. Что это ваш Бабич позволяет, почему не приехал на коллегию?» «Болеет», — хором ответили мы. «Ну, сейчас вы получите от заместителя министра, он будет вести коллегию, по самым...» Он вылетел из комнаты. «Пейте чай, а то остынет», — спокойно сказал Красавин.

...Заместитель министра Геннадий Васильевич Сергеев перебил доклад В. Я. Осинцева минуты через три, посыпались

Р.А. ХАЛЬФИН у портрета Н.С. Бабича

агрессивные вопросы, и, хотя я пытался шепотом подсказывать ему цифры, Витя поплыл, а замминистра все заводился и заводился и затем гневно закончил: «Вы совершенно не готовы к этому вопросу. Как Вы курируете эту службу? Ну Бабич! Сам не приехал и человека прислал не в теме — а еще заместитель! Вас надо снять с должности, что я сейчас и сделаю. Пишите приказ. Как Вас там? Осинцева Виктора Яковлевича — заместителя заведующего Свердловским облздравотделом... Вы сколько лет заместитель?», и тут Витя выдохнул: «Три дня!» В зале воцарилась тишина, а затем грохот кулака замминистра по столу: «Ну Бабич, ну Бабич! Садитесь, о чем с Вами говорить». Тут я заметил, что секретарь коллегии показывает на меня, после чего замминистра строго спросил: «А Вы кто такой?» Я вскочил, и в голове у меня за секунду промелькнуло несколько ответов: «Скажу, главный нарколог области, спросит, сколько лет, скажу, восемь — точно с работы снимет. Нет, скажу, что я главный врач Областной наркологической больницы» — так я и ответил.

Замминистра уже немного остыл и со смехом спросил: «Тоже три дня?», но, когда я ответил: «Да!», повторился удар

кулаком и: «Ну Бабич, ну Бабич!» Короче, вопрос сняли с рассмотрения, нас выгнали, Витю я отпавил всю обратную дорогу безалкогольными напитками, но, когда мы предстали перед начальником и доложили в лицах всю эту картину, особенно напирая на: «Ну Бабич, ну Бабич!», наш «удав» ухмыльнулся, закурил новую «БТ» и набрал заместителя министра. А дальше мы услышали текст: «Ну что ты, Гена, напугал моих ребят. Приехали, чуть в штаны не наложили. Ну не кипятись. Я понимаю, что ты меня давно не видел и соскучился. Смех... Ладно, я все сделаю. Привет дома».

Мы стояли навтыжку, Николай Стефанович затянулся и сказал: «С Геннадием Васильевичем мы знакомы еще с тех пор, когда он был заведующим Кемеровским облздравотделом», затем улыбнулся и сквозь дым передразнил нас: «Ну Бабич, ну Бабич!», правда, после этого случая помогал мне в организации больницы очень активно, вплоть до своего ухода с поста заведующего Свердловским облздравотделом, которым руководил с 1968 по 1986 год.

Под его руководством была создана стройная система здравоохранения области, почти в каждом районе появилась типовая центральная районная больница, были построены крупнейшие многопрофильные центры Уральского региона, в том числе взрослая и детская областные клинические больницы, существенно увеличилась коечная сеть и вырос объем оказания специализированной медицинской помощи (кардиохирургия, нейрохирургия, урология, эндокринология...).

У Николая Стефановича была прекрасная врачебная семья, жена Ирина Львовна, две дочери, одна из них кардиолог, зять — замечательный хирург Валера Ходалов, один из первых на Урале широко применявший малоинвазивные технологии, и, когда мне понадобилось прооперировать маму, я попросил об этом именно его, и Валера через три дня после холецистэктомии поставил маму на ноги.

Но долго сидеть дома Бабич не смог. У нас была создана общественная организация — «Фонд помощи медицинским работникам», и мы уговорили Николая Стефановича заняться этим фондом. Вот где еще раз проявились его организаторские способности. В области его все знали и уважали, по его звонку директора заводов выделяли средства для своих медиков, главные врачи неформально занимались ветеранами, он на уровне руководства области выбивал необходимые решения. Николай Стефанович всю свою жизнь занимался не только развитием здравоохранения в целом, но и конкретными медицинскими работниками и теперь в рамках фонда продолжал эту тему. Он и умер в облздраве. Должен был выступить перед главными врачами области на совещании по реформе, мы пригласили Николая Стефановича на второй вопрос, и он с удовольствием согласился, боялся опоздать, приехал на своей машине, взбежал оживленный на четвертый этаж, куда столько лет ходил на работу, в холле перед залом заседания, как всегда, закурил (уже «Мальборо»), неожиданно упал и умер.

Мы не могли ничего понять, когда дверь открылась и в зал коллегии влетели с криками очевидцы, затем главные врачи, реаниматологи по специальности, долго пытались его реанимировать, вызвали «скорую помощь», которая, как специально, пришла через 40 минут... Дальше были похороны, собравшие всю медицинскую общественность области, а затем в облздраве остались только его портрет при всех его наградах на стене перед тем местом, где он умер, да еще походы к Ирине Львовне, которой мы, руководители и облздравотдела, и облСЭС, старались помочь, чем могли. Ирина Львовна подарила мнеменные часы Николая Стефановича, и я их берегу как память, хотя, наверное, следует отдать этот ценный дар в Музей уральской медицины...